

ПЕРМСКАЯ

ЕПАРХИАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Выходятъ еженедѣльно по средамъ. Цѣна за годъ 5 рублей съ пересылкою, какъ и безъ пересылки.

№ 40.

Подписка принимается въ Редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей, при Пермской духовной семинаріи, въ Перми.

2 Октября 1874 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Содержаніе: Указы Святѣйшаго Правительствующаго Синода. — Журналъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ.

Указы Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Отъ 9 іюля 1874 года, № 39. О принятіи въ качество учебнаго руководства въ духовныхъ семинаріяхъ „Теоретико-практическаго учебника французскаго языка“ г. Игнатовича.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный Господиномъ Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, № 101, о составленномъ учителемъ 1-й С.-Петербургской военной гимназіи В. Игнатовичемъ „Теоретико-практическаго учебника французскаго языка“ (въ рукописи). Приказали: Заключение Учебнаго Комитета о принятіи „Теоретико-практическаго учебника французскаго языка“ г. Игнатовича въ учебное руководство по сему предмету въ духовныхъ семинаріяхъ, въ замѣнъ принятаго прежде

учебника Марго, на изложенныхъ Комитетомъ основаніяхъ, утвердить и, для объявленія о семъ правленіямъ духовныхъ семинарій, къ надлежащему исполненію, препроводить при печатномъ указѣ енархіальнымъ архіереямъ, въ копию, самый журналъ Комитета.

ЖУРНАЛЬ

Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, за № 101-мъ.

О составленномъ преподавателемъ 1-й С.-Петербургской военной гимназіи В. Игнатовичемъ „Теоретико-практическомъ учебникѣ французскаго языка (въ рукописи)“.

Составитель учебника проситъ ввести оный въ качествѣ учебнаго руководства по французскому языку въ духовныхъ семинаріяхъ, изъявляя при семъ, что означенный учебникъ можетъ замѣнить употребляющіяся нынѣ въ духовныхъ семинаріяхъ учебныя книги по французскому языку: Марго и Бастена, такъ какъ онъ заключаетъ: 1) руководство для строго послѣдовательнаго изученія формъ языка совмѣстно съ матеріаломъ преимущественно языка литературнаго, — отдѣлъ, соразмѣренный вполне съ количествомъ уроковъ въ семинаріяхъ для иностранныхъ языковъ; 2) грамматическія объясненія къ этому отдѣлу, отличающіяся трезвой краткостью, но вмѣстѣ и полною въ отношеніи вопросовъ существенной важности для солиднаго знанія и усвоенія языка, а также сравнительнымъ методомъ разъясненія грамматическихъ положеній французской рѣчи въ сопоставленіи ея формъ съ формами русскими и латинскими (въ этомъ отношеніи учебникъ сей есть первый у насъ опытъ приложенія къ дѣлу исторической грамматики французскаго языка) и 3) рядъ статей отъ самаго легкаго до самаго труднаго языка, представляющихъ обильный лексическій матеріалъ, почерпнутыхъ изъ классическихъ писателей и вполне подходящихъ по тону и содержанию ихъ къ назначенію этого учебника.

Учебники французскаго языка вообще составлялись и составляются для свѣтскихъ учебныхъ заведеній, воспитанники и воспитанницы которыхъ и по возрасту и по домашней подготовкѣ разнятся отъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. И самый курсъ французскаго языка въ свѣтскихъ учили-

цахъ, по числу классныхъ часовъ, значительно обширнѣе курса семинарскаго, гдѣ полагается на этотъ предметъ только шесть часовъ въ первыхъ трехъ классахъ. Въ виду такой разницы учебники французскаго языка неудобно примѣнялись къ преподаванію въ семинаріяхъ. Названный выше учебникъ г. Игнатовича составленъ соотвѣтственно требованіямъ семинарскаго курса и составленъ весьма удачно. Авторъ его счастливо избѣгъ крайностей: опущенія существенныхъ правилъ и допущенія излишнихъ подробностей. Въ 85 § онъ нашелъ возможнымъ дать полное изложеніе и объясненіе формъ этимологическихъ и тѣхъ правилъ синтаксическихъ, безъ которыхъ немислимо пониманіе французскаго языка.

Въ семинаріяхъ воспитанники, а иногда преподаватели, страдаютъ невѣрнымъ произношеніемъ французскихъ словъ и фразъ. Въ виду этого г. Игнатовичъ достаточно разъяснилъ отдѣлки правильного произношенія, снабдивъ этотъ отдѣлъ значительнымъ количествомъ словъ, которыя и составляютъ для учащихся на первый разъ полезный запасъ лексическаго матеріала. Однакожъ автору слѣдуетъ обратить вниманіе на § 9-й и яснѣе показать произношеніе, соотвѣтствующее начертаніямъ: *eil, eille, euil, eulle, ail, aille, ouille*, и для большей ясности напечатать эти звуки русскими буквами, при чемъ упомянуть и о настоящемъ произношеніи во Франціи этихъ звуковъ, отступающемъ отъ бывшаго въ употребленіи прежде и нынѣ сохраняемаго въ Россіи, а равно отдѣлнить выговоръ *in, ain* и *ain*, которые не вполне соотвѣтствуютъ *en*, произносимому въ носъ.

Вторая глава разбираемаго учебника посвящена объясненію спряженій французскихъ глаголовъ. И этотъ отдѣлъ ясенъ и достаточно полонъ. Выборъ, обиліе и разнообразіе примѣровъ даетъ преподающему полную возможность познакомить воспитанниковъ съ разнородными оборотами и видами предложеній. Особенность этого отдѣла та, что глаголы на *oir* отнесены къ неправильнымъ. Не споря вообще противъ этого, нужно замѣтить, что извѣстныя группы этихъ глаголовъ подчиняются во многихъ измѣненіяхъ опредѣленнымъ правиламъ. Третья глава, продолжая разъясненіе глаголовъ, болѣе осложняетъ фразы дополненіями, такъ что спряженіе изъ скучнаго и сухаго перечня формъ глагола превращается въ рядъ полныхъ фразъ, частое повтореніе которыхъ полезно въ практическомъ отношеніи.

Четвертая и пятая главы заключаютъ изложеніе видовъ и формъ мѣстоименій, образованіе степеней сравненія, нарѣчій и основныя положенія относительно значенія и употребленія членовъ съ нѣкоторыми синтаксическими указаніями. Въ этихъ пяти главахъ выяснена вся этимологія.

Глава VI и VII выясняют учащимся синтаксическія правила. Здѣсь особенное вниманіе обращено на правильное употребленіе временъ и наклоненій, такъ какъ для этого нѣтъ надежнаго основанія въ родномъ языкѣ. Русскіе виды глаголовъ указываютъ главнымъ образомъ на краткость и длительность дѣйствія, во французскихъ же глаголахъ господствуетъ преемственность дѣйствій. Это различіе часто ведетъ къ неправильному переводу и съ русскаго на французскій и обратно. Нельзя не одобрить, что здѣсь г. Игнатовичъ умѣстно остановился на выясненіи тѣхъ временъ и наклоненій, которыя не имѣютъ соотвѣствующихъ въ русскомъ языкѣ, какъ *passé antérieur*, *futur antérieur*, *participle passé composé* и т. п., а равно и далъ влючь къ разумѣнію *du participe passé* во временахъ сложныхъ, не обременяя своихъ объясненій излишними, запутывающими подробностями. Къ числу достоинствъ учебника г. Игнатовича нужно отнести и то, что въ немъ даются объясненія относительно лексической и формальной стороны французскаго языка сравнительно съ латинскимъ. Такимъ образомъ, воспитанникамъ семинарій, уже знакомымъ съ этимологіею и главными правилами синтаксиса классическаго языка, значительно облегчается изученіе родственнаго съ ними французскаго.

Г. Игнатовичъ печатаетъ въ своемъ учебникѣ грамматическія объясненія отдѣльно отъ курса практическаго, тогда какъ въ другихъ учебникахъ эти отдѣлы смѣшиваются. Есть основанія въ пользу того и другаго порядка. Въ защиту перваго можно сказать, что онъ, представляя нѣкоторыя затрудненія для учениковъ, обязанныхъ искать объясненій на послѣдовательно практическое ознакомленіе съ этимологіею и синтаксисомъ въ другомъ отдѣлѣ учебника, представляетъ выгоды, давая ученикамъ, неимѣющимъ подъ глазами правилъ, возможность изучать ихъ основательнѣе.

Къ своему учебнику г. Игнатовичъ присоединилъ французскую хрестоматію, достаточную по объему и весьма удачную по выбору литературныхъ отрывковъ и статей, въ числѣ которыхъ довольно значительная доля принадлежитъ лучшимъ религіознымъ французскимъ писателямъ: Боссюэту, Фенелону, Массильону, Паскалю. Желательно, однакожь, чтобы г. Игнатовичъ исключилъ изъ своей хрестоматіи статьи 16 (*Origine et mobile de l'industrie humaine*) и 46 (*Loi universelle de la mort*). Первая принадлежитъ перу Волнея (*Volney*) и отзывается философіею энциклопедистовъ, вторая есть произведеніе Иосифа де-Местра (*J. de Meistre*) и носитъ на себѣ печать рѣзкости и оригинальности этого писателя.

Трудъ г. Игнатовича заканчивается словаремъ, который былъ печатанъ и при прежнемъ его учебникѣ. Въ виду же статей, присоединенныхъ къ новому его руководству, необходимо нынѣ дополнить помѣнутый словарь. Сверхъ того въ русскихъ упражненіяхъ встрѣчаются по мѣстамъ галлицизмы, на которые автору слѣдуетъ обратить вниманіе и замѣнить ихъ чистыми русскими выраженіями. Еще одно замѣчаніе. Авторъ разбираемаго нами учебника предпослалъ своему труду предисловіе, въ которомъ помѣщены весьма полезныя замѣчанія относительно преподаванія французскаго языка. Но въ этой части оказывается длиннота и ненужное употребленіе иностранныхъ словъ и нѣкоторая нестройность языка. Дѣло не потерпѣло бы отъ сокращенія предисловія и исправленія языка.

Сравнивая учебникъ г. Игнатовича съ употребляемымъ нынѣ, по неизмѣннѣ лучшаго, въ семинаріяхъ руководствомъ г. Марго, нельзя не отдать полного предпочтенія первому по его приспособленности къ семинарской программѣ, удачному выбору практическихъ упражненій и ясности изложенія. Учебникъ г. Марго имѣетъ въ виду учить говорить по французски, что не входитъ въ задачу и неудобно исполнимо въ семинаріяхъ; онъ изложенъ на французскомъ языкѣ, что недоступно для занятій не подготовленныхъ семинаристовъ. Наконецъ въ немъ есть недостатокъ сопоставленія французскаго языка съ русскимъ и латинскимъ.

По всѣмъ вышеизложеннымъ основаніямъ, „Теоретико-практическій учебникъ французскаго языка“ г. Игнатовича пригоденъ предпочтительно предъ всѣми другими для семинарій, какъ руководство по этому предмету. А потому Учебный Комитетъ полагалъ бы рекомендовать составленный г. Игнатовичемъ „Теоретико-практическій учебникъ французскаго языка,“ — по его отпечатаніи, — для употребленія въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго руководства по французскому языку, въ замѣвъ принятаго нынѣ въ семинаріяхъ учебника — Марго, съ тѣмъ однакожъ, чтобы введенію новаго руководства Игнатовича совершалось постепенно, начиная съ того класса, гдѣ учащіеся будутъ присгунать къ изученію французскаго языка, такъ, чтобы не ставить воспитанниковъ въ необходимость пріобрѣтать то и другое руководство.

Отъ 15 іюля 1874 года, № 44. О подтвержденіи семинарскимъ правленіямъ свѣдѣнія о воспитанникахъ, предназначаемыхъ къ поступленію въ академіи, представлять не позже 1 мая.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный Господиномъ Исправляющимъ должность Оберъ-Прокурора журналъ Учебнаго Комитета, № 124, съ приложенными къ нему представленіями изъ епархій касательно вызова, въ настоящемъ году, изъ семинарій воспитанниковъ въ составъ новыхъ курсовъ въ духовныхъ академіяхъ. Между прочимъ, Приказали: Въ виду поздняго представленія свѣдѣній о семинарскихъ воспитанникахъ, предназначаемыхъ въ академіи, и могущихъ произойти отъ сего обстоятельства затрудненій къ своевременному отправленію таковыхъ воспитанниковъ къ мѣсту ихъ назначенія, подтвердить епархіальнымъ преосвященнымъ, чтобы таковыя свѣдѣнія доставлялись на будущее время, согласно указу Святѣйшаго Синода отъ 14 апрѣля 1871 г. за № 20, никакъ не позже 1-го мая. О чемъ, для должныхъ распоряженій къ исполненію, послать епархіальнымъ преосвященнымъ печатный указъ.

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Содержаніе: Свѣдѣнія объ инородцахъ, обитающихъ въ Пермской епархіи.—
Разныя извѣстія.

Свѣдѣнія объ инородцахъ, обитающихъ въ предѣлахъ Пермской епархіи (преимущественно въ религіозномъ отношеніи).

(Окончаніе).

2. Остяки и вогулы.*)

1. Внѣшняя ихъ обстановка и образъ жизни.

Остяки и вогулы большею частію средняго роста; нѣкоторые изъ нихъ довольно красивы,—волосы у нихъ черные, жесткіе, которые какъ мушины, такъ и женщины туго перевиваютъ бумажными шнурками, или тесьмой¹⁰⁾. Въ обхожденіи остяки ласковы, привѣтливы и гостепріимны. Рѣчь у нихъ скорая, бѣглая и звучитъ пріятно для звука. Остяки весьма словоохотливы, особенно между собой: если сойдутся вмѣстѣ три остяка, то наговорятъ за шестерыхъ,—особенно когда навеселѣ. Къ спиртнымъ напиткамъ чрезвычайно привержены: пьютъ всѣ, начиная съ семилѣтняго ребенка до дряхлаго

*) Остяки находятся въ вѣдѣніи Обдорскаго отдѣленія инородческаго управленія. Непосредственные ихъ начальники—старшины изъ нихъ же, или князьки, чрезъ которыхъ собирается ясакъ и идетъ все дѣлопроизводство: они имѣютъ у себя русскихъ писарей, которые и производятъ всѣ дѣла, подобно волостнымъ писарямъ въ русскихъ селеніяхъ. Кромѣ этихъ князьковъ есть еще главный Обдорскій самоѣдскій князь, чрезъ посредство котораго, а также окружнаго засѣдателя изъ русскихъ чиновниковъ инородческое управленіе и сносится съ ними.

¹⁰⁾ Впрочемъ нѣкоторые мушны ннѣ оставляютъ этотъ обычай и начинаютъ волосы стричь, какъ и рускіе.

старика¹¹⁾). Одежда остяковъ зимой и лѣтомъ состоитъ изъ оленьихъ шкуръ: одна изъ этихъ шкуръ, выдѣланная безъ шерсти и сшитая въ родѣ русской рубашки, надѣвается подъ низъ; на нее надѣвается, такъ называемая малица, — одежда, сшитая тоже изъ выдѣланной оленьей шкуры шерстью внизъ; а зимой поверхъ всего еще надѣвають гусь, или совиць — тоже въ родѣ малицы, только шерстью вверхъ. Малицу и совиць обшиваютъ снизу опушкой изъ собачьей шкуры шерстью вверхъ, чтобы не поддувало вѣтромъ. Малица и совиць шьются въ родѣ мѣшка съ придѣланными рукавами и отверстиемъ для головы; къ совику кромѣ того пришивается шапка, — большую частію изъ оленьей головы вмѣстѣ съ ушами животнаго. На ногахъ лѣтомъ носятъ такъ называемыя клсы, — въ родѣ русскихъ чирковъ, или башмаковъ изъ оленьей шкуры, едираемой съ ногъ этихъ животныхъ, — и чулки изъ верблюжьяго сукна. Зимой на ноги надѣваются такъ называемыя лептицы, или гижи, — чулки изъ оленьей шкуры шерстью внизъ, — и сапоги тоже изъ оленьей шкуры разныхъ цвѣтовъ: чернаго, бѣлаго и буроватаго, расположенныхъ въ симметрическомъ порядкѣ. Сапоги эти называются юнты и стоятъ на мѣстѣ до 3 рублей; къ нимъ пришиваются ремешки, или подвязки съ разными побрякушками. По совику, или малицѣ опоясываются ремнемъ, узкимъ мѣдными пуговицами, и съ неизбѣжнымъ огнивомъ въ кожаной сумкѣ; кромѣ того къ бедру прикрѣпляется ремнемъ ножъ въ ножнахъ. Женщины носятъ поверхъ совиковъ и малицъ шали яркихъ цвѣтовъ, — большую частію красныхъ, которые обшиваютъ кругомъ сплошь кистями изъ шерстяной пряжи длиною нѣрѣдко до $\frac{3}{4}$ аршина, такъ что кисти постоянно волочатся по полу; шаль остячки накидываютъ также, какъ татарки съ тою разницею, что первые закрываютъ шалью все лице.

Зимой остяки и вогулы живутъ въ юртахъ, срубленныхъ на подобіе крестьянскихъ избъ безъ пола (впрочемъ есть юрты и съ полами), съ однимъ окномъ, продѣланнымъ въ боку, или потолокъ юрты, въ которое вмѣсто стекла вставляется льдина. При входѣ въ юрту на право устранивается *чувадь*, нѣчто въ родѣ камина съ двумя впадинами по бокамъ: въ эти впадины вставляется деревянная перекладина, а на нее навѣшиваютъ чугунный, или желѣзный котель на деревянной же палкѣ съ сучкомъ. Прямо противъ две-

¹¹⁾ Дряхлыхъ стариковъ однако между остяками рѣдко увидишь, — рѣдкіе живутъ далѣе 70 лѣтъ: лѣсная, кочевая жизнь въ дыму, въ грязи остякскихъ юртъ много укорачиваетъ ихъ жизнь, — особенно неблагоприятно дѣйствуетъ на зрѣніе такъ, что многіе даже до 50 лѣтъ начинаютъ слѣпнуть.

рей находится почетное первое мѣсто, возвышенное отъ пола на $\frac{1}{2}$ аршина, на которое женщины не имѣютъ права садиться, что и соблюдается весьма строго. Въ лѣво отъ дверей, по всей боковой стѣнѣ, устраиваются мѣста для всего семейства, т. е. нары съ перегородками: онѣ возвышаются на $\frac{1}{4}$ аршина отъ пола. Въ ближнемъ отдѣленіи къ дверямъ валяются полунагія дѣти, а въ заднемъ отдѣленіи помѣщаются старшіе хозяева. У хозяйскаго отдѣленія дѣлается заборка, на которую вѣшаютъ рухлядь.

Утварь остяка состоитъ изъ деревянной чашки, въ родѣ небольшого корыта, и деревянныхъ ложекъ разной величины. Пища его также неприхотлива, какъ и утварь: она заключается въ мясномъ отварѣ, подболтанномъ ржаную несѣянную мукою, и называемомъ *аламомъ*. Мясо ѣдятъ отдѣльно отъ бульона. Также поступаютъ и съ рыбой: когда она сварится, ее вынимаютъ изъ котла, а уху подбалтываютъ мукою; за тѣмъ ѣдятъ рыбу и оставшіеся отъ нея кости растираютъ, вкладываютъ въ котель съ уху и снова варятъ—и потомъ уже ѣдятъ уху.

Въ зимнее время остяки и вогулы занимаются охотой на пушныхъ звѣрей: лисцу, бѣлку, соболя. Въ прежнее время били ихъ стрѣлами, нынѣ же почти всякій имѣетъ ружье. Охотятся также за лосями, которыхъ ловятъ посредствомъ особой ловушки, называемой *огородами*. Для этого въ пустомъ мѣстѣ огораживаютъ пространство верстъ на 15, или на 20 въ одну жердь, или срубленное дерево, оставляя саженъ чрезъ 30 небольшіе проходы, въ которыхъ и настораживаются стрѣлы съ желѣзными острыми наконечниками.

Въ лѣтнее время остяки и вогулы занимаются рыбною ловлею по рѣкамъ и протокамъ; поэтому лѣтомъ ведутъ жизнь кочевую. Весь свой скарбъ остякъ складываетъ въ лодку, куда садится и самъ со всѣмъ семействомъ, если только можетъ помѣститься. Если же одной лодки бываетъ недостаточно, то берутъ другую, третью, однимъ словомъ,—сколько понадобится. Вверхъ по рѣкѣ ѣдутъ на шестахъ, а внизъ на веслахъ. Гдѣ будетъ лучше ловиться рыба, тамъ останавливаются и живутъ до тѣхъ поръ, пока продолжается уловъ рыбы. Рыбу ловятъ неводами, мордами и сырпомъ. Последній составляетъ необходимую принадлежность рыболовства у всякаго остяка: это нѣчто въ родѣ большого сака, прикрѣпленнаго къ двумъ шестамъ. Ловятъ рыбу сырпомъ слѣдующимъ образомъ: два остяка становятся на носу двухъ лодокъ, берутъ сырпъ за шестъ и спускаютъ въ воду прямо; другіе рыбаки заѣзжаютъ на нѣсколькихъ лодкахъ вверхъ и оттуда гонятъ рыбу шестами, произнося при этомъ звукъ ссс... и этимъ какъ бы погоняя рыбу,

которая отъ шума бросается внизъ и забѣгаетъ въ сырпъ. Присутствіе рыбы въ сырпѣ тотчасъ же узнается по сотрясенію *симки* (тоненькаго шнура), прикрѣпленной къ верхней тетивѣ сырпа. Какъ скоро почувствуется это сотрясеніе, — сырпъ тотчасъ же поднимаютъ къверху, при чемъ верхняя тетива падаетъ на нижнюю и тѣмъ мѣшаетъ выходить рыбѣ обратно. Впрочемъ тутъ требуется большая ловкость и навыкъ къ этому дѣлу: у неловкихъ и нерасторопныхъ рыба, коснувшись сырпа, успѣваетъ опять убѣгать. Наловленную рыбу сохраняютъ на зиму вяленою. Приготавливается она такъ: разрѣзываютъ рыбу пополамъ и развѣшиваютъ надъ легкимъ огнемъ на тонкихъ шестикахъ, и по просушкѣ укладываютъ въ березовыя коробья. Соленой рыбы остяки не приготавливаютъ, за неимѣніемъ соли и нужной посуды для этого.

Впрочемъ не всѣ остяки лѣтомъ занимаются рыбной ловлей: тѣ, у которыхъ есть олени, отправляются на *камень*, т. е. на хребетъ Урала, гдѣ изобилуетъ оленій мохъ, и тамъ пасутъ оленей въ теченіи всего лѣта, переходя съ одного мѣста, гдѣ истощается кормъ, на другое обильное имъ.

Оленей имѣеть не всякой остякъ или вогуль, а только тѣ, которые побогаче. Есть впрочемъ и такіе остяки, у которыхъ стада оленей доходятъ до 5000 головъ и болѣе. Цѣна оленей: неученому, т. е. неѣзженому отъ 3 до 6 рублей, а ѣзженому отъ 5 до 10 рублей; больше цѣнятся матки, называемыя вожатками. Есть олени, которые могутъ пробѣгать по 400 и болѣе верстъ на легкѣ, а съ возомъ отъ 150 до 200 верстъ безъ всякой пищи. Къ сожалѣнію, нехитрый способъ упряжки много губитъ оленей при ѣздѣ съ тяжестями: надѣтый на шею оленя арканъ, которымъ онъ привязанъ къ нартѣ (санки) и другимъ оленямъ, въ особенности при спускѣ подъ гору, нерѣдко задавливаетъ его до смерти. Задавленнаго, или же просто павшаго отъ усталости оленя передніе олени тащатъ до тѣхъ поръ, пока не увидаетъ кто нибудь изъ остяковъ; тогда обозъ останавливаютъ, съ мертвого оленя снимаютъ кожу и тутъ же пьютъ вытекающую кровь, пока она тепла, — мясо же бросаютъ на нарту и снова отправляются въ дальнѣйшій путь, замѣнивъ задавленнаго оленя однимъ изъ запасныхъ, которыхъ по нартѣ и по тройкѣ привязываютъ къ нартамъ.

Бѣдные остяки къ зимѣ покупаютъ оленей у богатыхъ для переѣздовъ и для вывозки добычи. Когда же олень сослужилъ у бѣдняка свою зимнюю службу, весной онъ его зарѣзываетъ и ѣсть.

Вообще сырое мясо только-что зарѣзаннаго оленя, пока еще оно тепло,

составляетъ любимое лакомство остяка: онъ рѣжетъ его кусками, (самый лакомый кусокъ у губъ оленя), мачетъ ихъ въ кровь и ѣсть.

Развлекаются отъ работы остяки иногда музыкой и пѣніемъ; впрочемъ музыка и пѣніе ихъ очень не затѣйливы. Музыкальныхъ инструментовъ у нихъ всего употребляется два: 1) *транбой*—въ родѣ пряслицы съ пустымъ сидѣньемъ на концѣ,—на него натягивается отъ 7 до 9 струнъ; 2) *тангуръ*—узкое, аршина въ полтора длины корыто, закрытое сверху тонкой доской съ круглымъ отверстіемъ,—на него также натягивается до 7 струнъ. Струны дѣлаются самими остяками изъ жилъ. Музыка этихъ инструментовъ, по замѣчанію слышавшихъ ее, не представляетъ никакой пріятности для русскаго уха. Также нехитро и пѣніе остяка: пѣсенъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, у нихъ нѣтъ, а всякій поетъ, что ему на умъ взбредеть, напр. какъ онъ ходилъ въ лѣсъ, какъ лося, или соболя добывалъ,—однимъ словомъ рассказываетъ свои похождения на распѣвъ.

Женщина у остяковъ не пользуется равными правами съ мужчиной: ей ни въ какомъ случаѣ и нигдѣ не позволено быть выше или наравнѣ съ мужчиной,—запрещается не только сидѣть на назначенномъ для него почетномъ мѣстѣ, но и ходить въ извѣстныя, какъ-бы привилегированныя мѣста, исключительно предназначенныя мужчинамъ, какъ напр. на вышку юрты, на скотный дворъ, на сѣннигъ¹²⁾.

2. Религиозно-нравственное состояніе остяковъ и вогуль.

Остяки, хотя и считаются христіанами, но больше только по названію: о христіанской религіи они имѣютъ понятія очень смутныя и неправильныя. Изъ христіанскихъ святыхъ всѣхъ болѣе почитаютъ св. Георгія побѣдоносца и святителя Николая чудотворца: имъ молятся предъ отправленіемъ на охоту, ихъ благодарятъ въ случаѣ удачной охоты. Впрочемъ и въ этихъ

¹²⁾ Что касается до языка остяковъ,—то онъ весьма сходится съ языкомъ вогуль,—впрочемъ не такъ, чтобы всѣ слова были одинаковы: нѣкоторыхъ вогульскихъ словъ не понимаютъ остяки и наоборотъ. Вотъ для примѣра нѣсколько вогульскихъ словъ: Богъ—Тормъ; Сынъ Божій—Тормъ Пыль; Духъ Святой—Тормъ Лили Емасъ; Божія Матерь—Тормъ Анквѣ; Крестъ—Черно; церковь—тормъ-коль; архіерей—пернакумъ; Государь—Ноерь; человекъ—эмнигъ холасъ; я—амъ; ты—нэгъ; онъ—паухъ; мы—манъ; вы—намъ; они—танъ; глаза—шамъ; ротъ—тусъ; носъ—нелъ; уши—шэль; языкъ—нелымъ; голова—пэнкъ; руки—катъ.

моленіяхъ чуется языческій элементъ: отправляясь на охоту, остякъ просить угодниковъ Божіихъ нагнать ему дичи, и за эту помощь подноситъ имъ въ подарокъ серебряную монету, которую и бросаетъ въ ту сторону, въ которую намѣренъ идти. Послѣ счастливой охоты совершаютъ нѣчто въ ролѣ благодарственнаго жертвоприношенія тѣмъ же святымъ. Совершается оно такимъ образомъ: наливаютъ вина въ чуманъ, или другую какую нибудь посуду, за тѣмъ берутъ кусокъ мяса, то и другое ставятъ за юрту въ снѣгъ, или просто на землю; потомъ отойдя нѣсколько шаговъ назадъ, начинаютъ кланяться, — громко благодарятъ св. угодниковъ за удачную охоту и просятъ ихъ отвѣдать представленнаго имъ угощенія. По прошествіи минутъ 15-ти, снимаютъ съ мѣста это вино и мясо и дѣлятъ ихъ, какъ святыню, между всѣми присутствующими при сей церемоніи. Послѣ этого уже начинается остяцкій пиръ: на празднествахъ этихъ присутствуютъ и женщины.

Изъ христіанскихъ таинствъ совершается въ церкви, между прочимъ, бракъ, но и онъ предваряется языческими обычаями.

Родители жениха и невѣсты никогда не спрашиваютъ послѣднихъ, — согласны они, или нѣтъ, вступить въ бракъ, — а все дѣло обдѣлываютъ между собою. Согласившись породниться, они прежде всего и главнымъ образомъ начинаютъ торговаться о калымѣ, т. е. о выкупѣ за невѣсту. Торговля эта продолжается иногда цѣлый годъ и болѣе: каждая сторона старается что нибудь выторговать. Наконецъ, сойдясь въ условіяхъ, назначаютъ день свадьбы. Женихъ въ этотъ день со всей своей родней пріѣзжаетъ на оленяхъ къ роднымъ невѣсты съ виномъ; послѣдніе съ своей стороны зарѣзываютъ лучшаго оленя для гостей. Церемонія начинается молитвою невидимому духу, или шайтану: наливъ въ чуманъ вина и отрѣзавъ кусокъ еще горячаго, сыраго оленьяго мяса, посвящаютъ все это шайтану и просятъ его покровительства. Послѣ молитвы подводятъ невѣсту закрытую платкомъ къ жениху; за тѣмъ раздаются свадебные подарки, состоящіе изъ платковъ, сукна, или ситца, — и начинается угощеніе. Во все время гостѣй невѣста и мать ея не открываютъ жениху своего лица (впрочемъ только до тѣхъ поръ, пока не опьянѣютъ). Угощеніемъ церемонія и кончается: женихъ и невѣста дѣлаются мужемъ и женой. Молодая, открывши лицо свое мужу, въ теченіе 3 дней послѣ свадьбы, закрываетъ его не только отъ всѣхъ постороннихъ, но и отъ своихъ родныхъ; теща же до самой смерти своей старается скрывать лицо свое отъ зятя, покрывая его платкомъ¹³⁾. Послѣ описанной церемоніи моло-

¹³⁾ Всѣ вообще замужнія остячки скрываютъ свое лицо предъ посторонними, покрывая его платкомъ.

дые живутъ годъ, два и три; если они сошлись характерами и свыклись между собой, то идутъ вѣнчаться въ православную церковь, — иногда имѣя уже нѣсколько дѣтей; если же не сойдутся, то могутъ и разойтись, пока не свѣнчаются, — невѣста возвращается къ своимъ роднымъ, а калымъ жениху обратно не отдается.

За тѣмъ религіозная жизнь остяковъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ доселѣ проникнута языческими суевѣріями.

Суевѣрій у остяковъ множество: вѣрятъ они и въ колдуновъ и въ водяныхъ и въ лѣшихъ, и въ различныя повѣрья. Такъ напр. у убитаго имъ звѣря — языкъ, губы и другія переднія части остякъ непремѣнно старается съѣсть самъ; если же ихъ нужно почему либо отдать постороннему, то онъ непремѣнно по тихоньку отрѣжетъ себѣ хотя небольшую часть и съѣстъ. Точно также шкурки перваго убитаго имъ соболя ни за что ни продать, ни отдать, пока не отрѣжетъ немножко кожи съ передней части животнаго. Безъ этихъ предосторожностей, по повѣрью остяка, звѣрь не будетъ ловиться. Заболѣла ли собака, — остякъ увѣренъ, что ее кто нибудь извелъ, или испортилъ, — не стало бить ружье, — тоже кто нибудь испортилъ, — и онъ прибѣгаетъ къ помощи знахаря, или колдуна, которые внушаютъ ему великій страхъ и пользуются глубокимъ его уваженіемъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ, полуязыческихъ приношеній святителю Николаю и св. Георгію Побѣдоносцу, есть у остяковъ и чисто-языческія жертвоприношенія.

Каждому остяку вмѣняется въ обязанность, — въ теченіи трехъ лѣтъ, принести въ жертву шайтану оленя, или лошадь. Животное, предназначенное въ жертву, выбирается одинаковой шерсти, преимущественно бѣлой. Для жертвоприношенія собираются всѣ остяки изъ ближайшихъ юртъ. Животное, приготовленное для жертвы, связываютъ по погамъ и кланяются невидимому духу, прося его принять жертву благосклонно. Послѣ молитвы хозяинъ, или кто либо другой, по его порученію, рѣжетъ горло животнаго такъ, чтобы кровь выходила скоро; при этомъ каждый изъ присутствующихъ подставляетъ свой чуманъ, наполняетъ его кровью и съ жадностію выпиваетъ ее. Когда изъ животнаго вытечетъ вся кровь, тогда снимаютъ съ него кожу съ одного боку и начинаютъ ѣсть мясо: каждый отрѣзываетъ, сколько и что ему угодно и ѣдятъ до тѣхъ поръ, пока отъ животнаго останутся одна кожа и кости. Кости вывариваютъ и съѣдаютъ, — при чемъ собакамъ отъ жертвеннаго животнаго ничего не даютъ. Кожу же вѣшаютъ на дерево, или на шестъ, какъ приношеніе духу, — гдѣ она и виситъ, пока не сгниетъ.

Сейчасъ описанное жертвоприношеніе имѣетъ частный характеръ; но бывають у остяговъ и вогуловъ и общественныя жертвоприношенія въ случаѣ плохой добычи звѣрей, или худаго улова рыбы. Въ этомъ случаѣ всѣ остяки изъ нѣсколькихъ юртъ собираются въ извѣстное имъ глухое мѣсто, гдѣ у нихъ построено капище, называемое по вогульски „ура.“ Мѣсто для капища избирается или на какомъ нибудь островѣ, находящемся среди озера, или среди огромнаго болота,—или же на высокой неприступной горѣ. Въ капищѣ хранится деревянный, или металлическій, а иногда даже и серебряный, идолъ, изображающій шайтана, предъ которымъ и приносятъ жертвы. Жертвы эти состоятъ изъ звѣринныхъ шкуръ, шелковыхъ платковъ, цвѣтнаго сукна, плиса, серебряныхъ денегъ,—все это развѣшивается около идола и на немъ. Кромѣ упомянутаго нами общественнаго жертвоприношенія, каждый вогуль и остякъ непременно разъ въ годъ обязанъ посѣтить капище и принести что-либо въ даръ: это для нихъ также обязательно, какъ для православныхъ исповѣдъ.

Своего рода религіозное празднество совершается у остяговъ и вогуловъ, когда случится кому нибудь изъ нихъ убить медвѣдя. Убившій медвѣдя шкуры съ него сейчасъ не снимаетъ, а собираетъ прежде своихъ родныхъ и знакомыхъ на празднество. Празднующіе прежде всего запасаются водкой, безъ которой не обходится никакое празднество: водка пріобрѣтается въ складчину. Когда всѣ приглашенные соберутся,—тогда съ зада медвѣдя снимають кожу до половины, т. е. до переднихъ лопатокъ,—съ обнаженныхъ частей срѣзываютъ мясо и варятъ въ котлахъ. Оставшуюся переднюю часть ставятъ на переднія лапы, какъ будто бы медвѣдь находится въ сидячемъ положеніи; надѣваютъ ему на пальцы перстни, вставляютъ въ глаза, ноздри и уши его серебряныя монеты, ставятъ предъ нимъ въ посудѣ вино и просятъ отгушать;—при чемъ стають всѣ веругъ и кланяются ему до земли,—называютъ его старшимъ дядей и просятъ его не сердиться за то, что его убили, извиняясь тѣмъ, что это сдѣлано не съ намѣренія, а нечаянно¹⁴). Послѣ этого начинается пиръ, и остальное мясо медвѣдя съѣдается сырымъ.

¹⁴) Вогулы и остяки вѣрятъ, что если у убитаго медвѣдя не попросить прощенія, то онъ непременно задеретъ своего убійцу. Вообще эти инородцы сильно боятся медвѣдя и бьютъ его неохотно, въ случаѣ крайней необходимости,—вообще же стараются избѣгать встрѣчи съ нимъ.

По этой причинѣ и клятвы между ними утверждаются на шкурѣ медвѣдя: дающій клятву, или присягу гладитъ правою рукою медвѣжью шкуру противъ шерсти,

Нравственное состояніе остяковъ и вогуловъ довольно утѣшительно. Преступленій между ними не бываетъ, — развѣ очень изрѣдка случается воровство, убійства же и грабежей между ними вовсе не слыхать. На самое воровство остякъ или вогуль, при крайнемъ отвращеніи отъ него, рѣшается развѣ тогда, когда представится случай попользоваться тайкомъ любимымъ своимъ напиткомъ водкой. Вообще чрезмѣрное пристрастіе къ этому напитку есть самая дурная черта въ остякахъ и вогулахъ, и для нихъ самихъ отзывается величайшимъ вредомъ. Она поглощаетъ весь годовой заработокъ инородца не только бѣднаго, но даже и средняго состоянія, особенно благодаря недостойной эксплуатаціи своего же брата. Иной богатой остякъ закупаетъ въ ближайшемъ русскомъ селеніи вина ведра два, три, а иногда и до пяти и развѣзжаетъ съ нимъ по юртамъ на оленяхъ; здѣсь онъ, подъ видомъ дружбы, подтчуеъ неосторожныхъ и, потомъ, пользуясь ихъ опьяненіемъ, скупаетъ ни по чемъ лосиныя, бѣличьи и собольи шкуры. Такимъ же непригляднымъ промысломъ нерѣдко занимаются и русскіе.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Появленіе въ Англіи новой секты. На дняхъ обнаружено въ Лондонѣ существованіе весьма вредной религіозной секты. Произошло это слѣдующимъ образомъ: одинъ рабочій явился передъ обвинительнымъ жури по обвиненію въ причиненіи смерти своему большому ребенку тѣмъ, что не хотѣлъ обратиться къ врачу. При допросѣ онъ заявилъ, что принадлежитъ къ сектѣ „особыхъ“ (resuliat), которая, основываясь на всемогуществѣ Бога, считаетъ грѣхомъ прибѣгать къ другимъ лекарствомъ, кромѣ молитвы и помазанія освященнымъ масломъ. Не смотря на усилія подсудимаго доказать превосходство своихъ религіозныхъ воззрѣній, дѣло его передано въ уголовный судъ.

при чемъ закликаетъ себя словами: „если я лгу, то пусть медвѣдь меня задеретъ.“ И остякъ вѣритъ отъ чистаго сердца, что солгавшій непременно будетъ задранъ медвѣдемъ, — почему никогда не согласится принять ложную присягу.

